

РАЙОНЫ, КВАРТАЛЫ, КОЛДОВСКИЕ МАССИВЫ: ФАНТАСТИЧЕСКИЕ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

—
ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

НАДЯ СОВА, «БЕССМЕРТНИК» («НИСЛОРОД»)

В Ладный мир из нашего (Яви) попадают души умерших. А еще в Ладном мире обитают всякие-разные: так во вселенной Нади Сова зовется вся нечисть, от домовых до кинимор. У всяких-разных нет тел, но они могут вселяться в чужие. За тем, чтобы этого не случилось, следит Стража Ладного мира. И вот запрет нарушен, а Стража находит первых мертвых людей... Еще во вселенной Нади Сова есть так называемые столетницы — они следят за балансом двух миров и обладают большой силой, а потому не должны никому вредить. Таково правило. Ведь, вспомним уже почти хрестоматийную цитату из «Человена-пауна», «с большой силой приходит большая ответственность». Вдвойне большая, если речь идет о нескольких мирах.

Нора — студентка. Параллельно с учебой она работает, у нее есть лучшая подруга, которая думает о ноготочках и модных салонах. И есть у Норы одна особенность: когда она устает, то видит странных существ, которые на поверку оказываются всякими-разными (героиня этого сперва, конечно, не понимает). И до того, как узнать, что она — та самая столетница, Нора нарушает запрет и вредит другому. Теперь вместе с говорящим вороном и бесом по прозвищу Шепелявый ей предстоит все глубже и глубже, как Данте с Вергилием, погружаться в Ладный мир, который погибает. Может, хоть после этих злоключений станет понятно, почему Норе снится один и тот же кошмар?

Надя Сова продолжает работать во вселенной дебютного романа «Станция Лихо». Стоит сразу обозначить, что напрямую книги не связаны, читать их можно в любом порядке. Если «Станция» была психоделическим хоррором, который бросал и героиню, и читателей в гущу жутких фантастических событий, то «Бессмертник» — скорее мистический шпионский триллер, где есть предатели и тайные агенты и никому нельзя верить.

Роман четко разделен на два пространства, которые постепенно проникают друг в друга: сквозь одно прорастает сюжетная ветка Стражи, сквозь другое — Норы. Сплетутся ли они? Безусловно. «Бессмертник» — роман структурированный и поступательный, здесь все встает на свои места постепенно. С одной стороны, так куда проще знакомиться с многочисленными правилами мира Нади Сова, с другой — нет эффекта накрывающей с головой черной волны событий и текста, который делал «Станцию Лихо» весьма своеобразным и мало на что похожим романом. Эти книги дополняют друг друга: безумие «Станции Лихо» компенсирует спокойствие «Бессмертника», а неспешность и логика последнего дает читателю передышку от эмоции с пометкой «Что, черт возьми, происходит?!», которая и возникала во время чтения дебютного романа (в том, очевидно, и состоял авторский замысел).

Слог у Нади Сова, как всегда, приятный, не перегруженный, но при этом образный не столько за счет метафор, сколько за счет многочисленных деталей; они, подобно витражным окнам старых готических храмов, способны рассказать свою историю на уровне подсказок и полунамеков. Повторяющийся сон, странный фоновый шум, контраст разговоров о маниюре и пожирающих души всяких-разных, хруст чего-то непонятного под ногами, погрызенные ниниморой штаны и кроссовки... Надя Сова наводит пугающую красоту в духе хеллоуиновских вечеринок, не забывая при этом о сюжете. Тут выручает обилие диалогов — кстати, отдельный плюс книги как раз в том, что автор не вываливает все правила Ладного мира в формате лекции на десять страниц. Читатели получают информацию дозированно из разговоров персонажей, все объяснения весьма органично вплетены и в бытовые обсуждения (что нам делать, как быть, куда ехать и как показываться бабушке?).

«Бессмертник» — страшная сказка со славянскими мотивами, перенесенными в современность: стражи миров спокойно используют слово «босс», не пугаются техники (и даже пользуются ей), а волшебный ворон, что уж греха творить, любит характеристику «фигов». Получается свежий взгляд на славянскую мифологию и фольклор в обертке совершенно непривычного для такой «начинки» жанра.

«Нора давно заметила за собой такую странность: когда она нервничает, переживает или оказывается в стрессовой ситуации, ее мозг начинает выдавать странные видения. Наличники эти, неестественных людей в транспорте или птиц со множеством голов. Она попыталась как-то рассказать об этом Тае. Подруга посоветовала сходить к неврологу. Таиса вообще любила давать очевидные советы, которым сама обычно не следовала».

ДАРЬЯ БУДАНЦЕВА, «МЕДИАТОРЫ. ПРАВО НА ВЛАСТЬ» («ПОЛЫНЬ»)

В Москве Дарья Буданцевой волшебство — не байна, но вот только оно под строгим контролем государственных структур. Тут есть колдуны и анималы (люди со звериной сущностью), обряды и заклинания и, самое главное, медиаторы — те, кто на страже порядка. Для того чтобы творить волшебство, они используют особые браслеты. Получаются, грубо говоря, этикие волшебные полицейские. Роман начинается с убийства одной медиаторки... За дело берутся Яна и ее напарник, стажер Денис. Но все оказывается куда серьезнее: убийца говорит о грядущих больших переменах, а колдуны и анималы, ненавидящие контроль, замышляют переворот.

Они хотят уничтожить Очаг, который дает силы медиаторам. Во главе бунта — такие уже случались — хитрый и мозговитый колдун Эрто. В авантюру втягиваются и ведьма Зоя, которая с трудом контролирует свою силу (и гнев), а также Алиса — юная анималка. Что из этого выйдет? Подскажем: без заварушки не обойдется.

Не хочется говорить о гендерной разнице, но справедливо отметить, что подход к городскому фэнтези с министерствами, «волшебными полицейскими», заговорами и прочим у мужчин (но их больше: Вадим Панов, Сергей Лукьяненко, Андрей Васильев, Чарльз Стросс, Джим Батчер и т. д.) и девушек абсолютно разный: в дебютном романе Дарьи Буданцевой беспокоят не столько перипетии сюжета и погони с волшебными перестрелками, сколько не менее напряженные и сверхающие искрами разноцветных эмоций отношения, во-первых, между героями, а во-вторых — героев к самим себе. В этом смысле выигрывают сюжетные линии ведьмы Зои и анималки Алисы. Зато линия медиаторки Яны — самая колоритная, во многом за счет ее коллег: они запоминаются, но при этом не перетягивают на себя внимание (например, пожилой следователь и его молодой стажер-протезе). Второстепенные герои в целом создают большую часть колорита романа, зачастую к ним привязываешься больше, чем к главным: бабушка Алисы может «дать фору любому сенсею», а колдун Эрто умело зачаровывает читателей, разливая меж страниц, видимо, любовное зелье. «Медиаторы» — книга не столько о разрешении философских вопросов природы власти и контроля, сколько о людях. Герои Дарьи Буданцевой, возможно, не всегда раскрыты до конца с литературной точки зрения, но всегда — живые. В беседах они проводят аналогии со штурмом Бастилии и Зимнего дворца, выбирают, что лучше: атана символа власти или ее представителей? Персонажи в целом весь текст доказывают, что они — современные люди из плоти и крови, а не фигурки-образы, которые

можно переместить в любую эпоху. Они смотрят сериалы по Netflix, заказывают суши, вспоминают ТАРДИС из «Доктора Кто». Начинается первая часть дилогии как новая серия «Ментовских войн», но этот морок быстро развеивается — зато читатель остается на крючке, российской аудитории привычна пусть и обманчивая, но все же эстетика сериалов такого рода. В целом от «Медиаторов» веет духом кинодетективов, а еще у романа есть привкус «Kingsman» по-русски (финал точно заставит вспомнить один из фильмов франшизы). Дарья Буданцева не совершает, пожалуй, самой частой ошибки: ее магические спецслужбы в Москве не пытаются прикинуться американскими. Русского духа в них хоть отбавляй: «Петров, Рыжиков, вы занимаетесь бумагами!», «Мы все тут собрались, чтобы мир спасти, а не чупа-чупсами мериться!», «Разговаривать будем в участне».

Читаются «Медиаторы» легко. В книге много диалогов, но маловато деталей — впрочем, роман не выглядит «голым». Дарья Буданцева просто оставляет простор для авторского воображения, в обилии пестрых деталей текст бы погряз. Здесь хватает двух-трех образов: например, бокалов красного вина со льдом. Но краски слога часто хочется сгустить. Однако есть и обратная сторона медали: «Медиаторы» весьма кинематографичны. Множество действий и диалогов легко переложить на пленку, так что роман мог бы стать отличным подспорьем для атмосферного сериала с колоритом современной России.

Важный и ощутимый минус «Медиаторов» — чересчур долгий разгон текста, из-за чего роман сильно теряет в динамике. Хочется поторопить события, а ведь финал «Права на власть» — только промежуточная точка дилогии. Однако тем, кто любит заходить в прохладное море сюжета, согреваясь постепенно, такой подход понравится. И, что важно, — читатель точно не запутается в терминах и сюжетных ветках.

«Медиаторы» — это, конечно, чистой воды детектив с элементами волшебного боевика. Но в то же время — роман о бунте, власти, чрезмерном контроле; о том, что «долг» или «дар» не дает побыть простым человеком. Говоря о социальных проблемах, Дарья Буданцева не забывает фокусироваться и на внутренней жизни героев. Перед читателем история противостояния системы и тех, кто против нее; история сближения потенциальных врагов. В конце-то концов, так ли сильно мы друг от друга отличаемся? Мораль сей басни такова: радикализм неприемлем, с каной стороны ни посмотри. А уж если радикализм натывается на радикализм — нан в сказке про двух баранов на мосту, — жди беды.

Ну и важный нюанс. У Виктора Пелевина в «Empire V» вампиры всего мира каждый год скидываются на новый фильм о вампирах, чтобы никто ничего не заподозрил; это касается, видимо, и колдунов в реальных земных городах. Не просто же так стажера в романе попрекают, что он только вчера видел колдунов лишь в книжках Роулинг, а сегодня сидит на важном совещании, которое определит судьбу медиаторов? Вот вам и двойное подмигивание: «Мы знаем, что вы знаете, что нас не существует в вашем городе. Ну-ну. Ну-ну».

«Яна кивнула. Допрашивать колдунов, которые родились больше ста лет назад, было совершенно отвратительным занятием. Они помнили время без медиаторов и без Министерства, они помнили мир, предназначенный для них одних. Когда вся страна — лишь огромная игровая площадка. Старые — по человеческим меркам, конечно, — колдуны считали медиаторов мелкими приставучими блохами на шкуре огромного величественного пса. Говорить с такими с позиции силы — почти нереально».

НИРАН МИЛЛВУД ХАРГРЕЙВ, «ДЖУЛИЯ И АКУЛА» («МИФ»)

Знали ли вы, что гренландские анулы живут по несколько сотен лет потому, что они медлительные? Некоторые из них даже застали времена Моцарта! Вот мама Джулии, биолог по образованию, знала. А еще знала, что акул этих очень сложно найти. И ее большая мечта: отыскать хотя бы одну особь, на это она готова потратить много сил, времени и денег (из-за чего постоянно ссорится с мужем). Все семья — мама, папа, дочка и кошка Лапша — приезжает на маяк на несколько месяцев, чтобы по заказу настроить там автоматическое освещение. И Джулия начинает замечать, как с мамой творится что-то странное: ладно уж, что они с папой ссорятся, такое уже было, родители даже делали специальную «бранную банну», куда нидали деньги каждый раз, когда ругались. Просто настроение мамы резко меняется: то она гиперактивна, а то весь день лежит без сил. Связанно ли это с бабушкой Джулии, у которой была деменция? И при чем здесь гренландская анула, которая теперь посещает героиню в ночных кошмарах?

Роман британской писательницы и поэтессы Ниран Миллвуд Харгрейв разбивает сердце. Это его главная характеристика. Джулия очень любит слова (хотя папа больше любит цифры), а потому и решает рассказать историю о том, как потеряла маму, — но не в буквальном смысле. Если при прочтении первых страниц кажется, что роман действительно станет поиском-приключением (чем-то наподобие «Жутно громко и за пределами близко», но чуть позитивнее; или «Типа я» Ислама Ханипаева, но чуть посерьезнее), то вскоре читатель начинает понимать, что к чему. Детский роман поднимает совсем не детские темы: психические расстройства, семейные драмы, буллинг, несбыточные мечты, попытки суицидов... Это настоящая энциклопедия жизни в обертке нордической истории, написанной — хотя, вернее, нарисованной, — в холодных тонах. Но сердце этого айсберга — бушующее пламя. «Джулия и акула» — история во многом о том, как ответить на вопрос, зачастую посещающий и взрослых: «А нужен ли я кому-то? И что делать, если не нужен?» Сначала героиня просто переживает, что мама не берет ее смотреть акул, а потом находит фотонарочку с беременной мамой и надписью «больше никогда». Думает, что это про нее.

У романа Ниран Миллвуд Харгрейв два полюса: один — классические отношения подростков: дружба, издевательства и попытки эти издевательства прекратить; другой — непростое взаимодействие Джулии с мамой, утрата доверия, охлаждение некогда теплых отношений. И на этом втором полюсе, конечно, куда больше острых осколков-ледышек, которые впиваются в болевые точки читателей. Потому «Джулия и акула» — весьма нестандартный детско-подростковой роман. Написана книга тоже своеобразно — местами это поэзия в прозе. Особенно когда дело касается снов героини и кульминационных эпизодов. Отдельную роль в издании (как в российском, так и в оригинальном) играет расположение текста, верстка и цветовые решения. У желтого цвета, например, символическое значение, которое проявляется не только в предметах (желтая надпись на лодке, желтый свитер и желтый дождевик мамы Джулии), но и в визуальном оформлении издания. «Джулия и акула» — нестандартный, трогательный, легко читающийся, ненавязчиво-детский, но в то же время очень серьезный роман, который стоит брать в руки не столько детям, сколько взрослым. Чтобы взглянуть на мир через несколько другую оптику.

«После ужина мама с папой немного ругались. Я ушла, не стала слушать, про что – но, наверное, про деньги. Про них было чаще всего. Потому что мама с папой заняли много денег на покупку дома в Корнуолле, и получилось, что наш дом дважды принадлежит банку – как-то так. Чтобы не уснуть, я листала мою записную книжку с фактами, и вот что я выяснила: две тысячи метров – это двадцать Биг-Бенов, поставленных друг на друга. Вот такие глубины любит акула. В двадцать Биг-Бенов. Один на одном. Под водой».

ДИАНА ЧАЙКОВСКАЯ, «Я ВЫЖГУ В СЕБЕ МЕСТЬ» («НИСЛОРОД»)

Однажды мачеха выгоняет Василику из дома, и девушка отправляется в Лес к ведьме Ягине (Бабе-яге). Василика давно уже ходила вокруг да оного, да все никак не решалась войти — много разного рассказывают о костяной ведьме: что она ворожит, обращается животными, ест людей. И наивно было удивление Василики, когда Ягиня сказала, что ждала ее — так показали карты, — и сделала своей ученицей, приемницей. Теперь Василика привыкает к новому миру: к духам и русалками с острыми зубами, падшим до крови, к лесному царю, к трем братьям — временам суток и к Нащею, у которого даже успеет погостить. Побудет в Нави, мире мертвых. Ведьмы должны сторожить границы между мирами, но так ли это просто, когда «Лес — царство горделивых». Там многого не прощают.

Фольклор с мифологией тем и хороши, что одни и те же образы можно крутить, вертеть и переворачивать как угодно. Что Баба-яга, что Леший, что Водяной — словно фигурки из конструктора «Лего», части которых с легкостью заменяют одна другую: суть едина, внешность — разная. Диана Чайковская берет нитки-иголки драматизма и пришивает героям серьезный бэкграунд. Они перестают быть просто сказочными «наставниками», «помощниками» или «противниками» героя. Здесь каждый получает по личной трагедии — в прошлом или в настоящем. Нащей — не просто злыдень, как обычно бывает, и не просто мудрый старец, как обычно тоже бывает. Он обречен, он ищет смерть, но все равно не готов расстаться с жизнью. Гамлетовский вопрос «Быть или не быть» для него неразрешим: он выбирает «быть», но искренне хочет «не быть». И все из-за одного предательства в далеком прошлом, из-за добровольного похода в Навий мир (мир духов). Так в романе происходит с каждым ключевым персонажем; да и второстепенные, типа Лешего, запоминаются. Диана Чайковская находит к каждому герою по золотому ключику, отпирающему потаенные дверки характеров — читатель видит самое яркое, самое интересное.

С одной стороны, «Я выжгу в себе месть» можно назвать условным перевертышем «Золушки», где вместо феи-крестной — колдунья-яга, а героиня в итоге получает власть, с помощью которой может отомстить и восстановить справедливость. С другой же стороны, это классическая история об ученице и учителе, роман взросления, где условная «инициация» — пребывание в Нави у Нащея, этому посвящено достаточно эпизодов. Завязка максимально стилизована под сказку: мачеха выгоняет героиню из дома. Но с каждой страницей автор все больше и больше отказывается от сказочных законов. К тому же чем ближе к финалу, тем слабее связь Василики с реальным миром. Это один из явных минусов

романа: хочется видеть куда больше сцен с «повзрослевшей» Василиной в мире людей. Они в книге есть, но их не так много.

Диана Чайковская пишет ненавязчиво стилизованный роман: такой эффент получается и благодаря постоянно просканивающим в тексте присказкам и поговоркам, и благодаря обильной детализации: автор постоянно обращает внимание на платки, жемчуга, мясные пироги и жуткие маски духов Нави. Книга несколько нетороплива: долго запрягает, быстро едет, а потом вдруг вновь резко тормозит и начинает бунсовать. Но это с лихвой компенсируется этническим славянским колоритом, который в интерпретации Дианы Чайковской не ощущается набившим оскомину. Автор, безусловно, попадает в тренд. Но делает весьма самобытно. И, вероятно, ненамеренно.

«Ягinya много раз рассказывала о сгинувших ученицах. Некоторым удавалось набраться силы от алатырь-камня, но они быстро сгорали – пламя рвалось из них наружу. Иных утаскивали духи Нави. Василика, которой и самой до жути хотелось поплясать, выпить сладкого вина и поцеловать в губы писаного красавца, тяжело вздыхала и думала, не погадать ли ей на удачу или любовь, пока не погас вечерний огарок. Василика вспомнила спутанные вороньи волосы Мрака, пылающие очи, звериный оскал и покраснела. Вот уж действительно, до жути притягательный. Но такой утащит, раздавит, лишит души и исчезнет. Зря ее трясло, стоило Мраку переступить порог избы».

ЛЕА РЕЙН, «ГОРА ДУХОВ. ЧЕРНЫЙ ВОСХОД» («ПОЛЫНЬ»)

Шамай — законная наследница престола и будущая Великий Хан. Беда в том, что родной дядя приказал ее убить. Однако судьба милостива. Шамай выжила, но оказалась в заточении у жрецов. А потом... сбежала.

В государстве, что немудрено, раздрай. Теперь героине придется восстановить свое доброе имя, а еще дойти до легендарного города Тау-аша, которого также называют Горой духов. Там, говорят, хранятся секреты воскрешения мертвецов — такая армия точно пригодится для восстановления справедливости. Проблемы две: во-первых, тяжело быть принцессой в бегах, во-вторых — уживаться с голосом странной старухи в голове.

«Черный восход» — колоритное монгольское фэнтези, написанное в лучших традициях этнического же фэнтези. Роман — в особенности атмосферой — напоминает книги зарубежной жанровой традиции (например, «Мы оседлаем бурю» Девин Мэдсон или «Та, что стала солнцем» Шелли Паркер-Чан), где миру и политическим перипетиям зачастую уделяют больше внимания, чем героям, — книга от этого хуже не становится, просто такой подход — характерно западный. По «Черному восходу» золотыми монетками разбросаны пестрые детали монгольского быта: молочная водна, золотая бумага, национальная кухня, пайза (табличка, которое выдает особые полномочия). Перечислять можно долго. Но самое главное — миром Леи Рейн верховодят духи: одни помогают найти тропы, если путник заплутал в лесу, другие меняют русла рек, третьи оберегают пещеры от обвалов.

Дебютная книга Леи Рейн — классический роман-дорога, столь излюбленный мэтрами и основателями жанра. Например, тем же Толкином. Герои то попадают к одному Хану, где успевают обучиться некоторым навыкам, то приходят в город, где популярны анонимные сражения, то бредут сквозь пустыню, то оказываются в плену. Цель этого путешествия — орлы, увы, помощи не предлагают, — найти Тау-аша, Гору духов. Но это если смотреть исключительно со стороны сюжета; стоит чуть изменить угол обзора, взглянуть на книгу через призму психологизма, и станет ясно, что вторая цель — обретение себя. Из этого зернышка прорастают могучие корни мироустройства и длинные ветви сюжетных перипетий.

При всем обилии дворцовых интриг, предательств, ударов исподтишка (зачастую в буквальном смысле) читатель не будет путаться в сюжетных линиях: здесь доминирует четко выраженная арна Шамай и Дэмира, на их взаимодействии построен весь текст. И это огромный плюс «Черного восхода»: обычно — особенно если мы вновь вспомним западную традицию — запутаться в таких историях можно на раз-два. Есть, правда, у книги и очевидный минус: атмосферная и плотно написанная с точки зрения событийности, большую часть она кажется огромным прологом к последним главам и, собственно, второй части дилогии. Самое острое и интересное начинается в конце, а все предыдущие приключения героев нужны лишь для того, чтобы читатель не скучал. Завершение дилогии поставит все на свои места. Однако ничто в «Черном восходе» не просто так: люди пропадают, узлы дворцовых интриг затягиваются, а старуха в голове оказывается не просто забавным гэгом от автора. Духи, как сназали бы в мире Леи Рейн, в мелочах.

«Когда-то я считалась первой красавицей ханства. На меня равнялись девушки из знатных семей, копировали мои наряды, прически и макияж. А теперь я дикарка. Я точно не знала, как сейчас выглядела, потому что отражение в грязной металлической тарелке, служившей мне в гробницах зеркалом, было нечетким, но не сомневалась, что от прежней красоты, о которой слагали стихи и пели песни, не осталось и следа. Но, по правде говоря, моя красота была результатом долгой и упорной работы многих

людей: портных и швей, которые создавали платья, служанок, которые заплетали мне волосы и красили лицо, и художников, которые рисовали мои портреты, приукрашивая при этом действительность».

НИЯШ МОНСЕФ, «ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ГРИФОНА» («МИФ»)

После смерти отца Марджан присматривает за его ветеринарной клиникой, параллельно — учится. В детстве отец часто уезжал по неотложным делам, и маленькую Марджан это всегда смущало: разве так делают ветеринары? И вот оказывается, что он лечил фантастических животных всех мастей. Марджан предстоит познакомиться с грифоном, подружиться с ведьмой, у которой есть девятихвостый кот-ницунэ, оказаться один на один с жуткой мантинорой и познакомиться с господином Горацио, который мечтает, чтобы фантастические существа вновь вернулись в мир. А заодно выяснить, кто же все-таки убил ее отца. Дело пахнет волшебством!

Роман Нияш Монсеф — история, в лучшем смысле, абсолютно диснеевская. Героиня сталкивается с большой потерей, но сразу после открывает для себя новый «волшебный мир», который помогает ей реабилитироваться, понять многое о себе и отце. Есть в книге неуловимая атмосфера мультфильма Pixar «Вперед» («Onwards»): и выведенная в центр фигура «исчезнувшего» отца, и поэтапное взросление героини по мере все большего знакомства с изнанкой мира. И слово, «Все началось с грифона» — текст, выстроенный исключительно вокруг Марджан: ее переживания и воспоминания удобряют почву сюжета, и к финалу образ героини расцветает буйным цветом.

«Все началось с грифона» — яркий пример городского (или даже магически-бытового) фэнтези, где личное превалирует над общественным, хотя в последние годы наблюдается обратная тенденция. Нет ли тут подвоха? Не будет ли автор просто ныть о своих проблемах словами героя? Не в этом романе! Нияш Монсеф, видимо, понимает, что читатель устал от порой нарочито слезливых «личных драм», поэтому пишет по-настоящему трогательный роман, не используя дешевых приемов. И нет, большие фантастические животные не в счет.

Книга пронизана щемящим трагизмом по ушедшему прошлому. Вкупе с уже упомянутой концентрацией всего текста вокруг внутреннего мира Марджан выходит цепляющий за душу роман, где с каждой страницей читатель все больше и больше проникается происходящим. Этому способствуют и вставки из прошлого: воспоминания о том, как Марджан поссорилась с отцом или как он читал ей истории на ночь.

Волшебными историями, которые «то ли были, то ли не были», как сладкой цветной посыпкой, украшен весь текст. Это дивные рассказы о мальчике, который помог грифону; о бедняке и джине; о ведьме, обманувшей смерть с помощью ницунэ; о ненасытной мантиноре. Нияш Монсеф с большим уважением относится к мифологическим первоисточникам, а оттого текст, словно нитями золотой персидской пряжи, пронизан волшебством древних арабских сказок. Развязка, кстати, тут тоже волшебная — в хорошем смысле, без роялей в кустах. В отличие от «Фантастических тварей», с которым роман часто сравнивают, «Все началось с грифона» не уходит в дебри интриг и баталий, не становится намеренно размашистым. Несмотря на серьезные проблемы, с которыми сталкиваются герои, книга до последних страниц остается уютной и очень

терапевтической. «Все началось с грифона» — мудрое напоминание о том, как пережить личную трагедию в любом возрасте. Даже если рядом нет волшебных грифонов и чудных гномов.

«Я не плакала, когда умер папа, ни на похоронах, ни после. Слезы так и не пришли. Но здесь и сейчас, в этом незнакомом месте, рыдания появились ниоткуда. Их было невозможно остановить, и я могла только сидеть и плакать, как маленькая и глупая девочка, совсем запутавшаяся в себе. Я даже не знала, о чем именно плакала: об отце, о странном и прекрасном звере в соседней комнате, о несправедливости всего происходящего, отдающей бесконечным эхом из вереницы вопросов: «Почему, почему, почему?»».

АЛЕНС РАУЗ, «НОТЕРИЯ. ПРИСТАНИЩЕ ЗАБЛУДШИХ» («ЭКСМО»)

Пятьсот лет назад Христоф был инвизитором и отправил ведьму на костер, еще позже — прошел две мировые войны простым солдатом. Теперь он — дилер, выполняющий желания и берущий взамен годы жизни. Он не совсем человек, он — тень человека, нечто странное. И вот девушка Кристина приходит заключить сделку: хочет сохранить жизнь бабушке. Все бы ничего, но Кристина слишком похожа на ту ведьму, которую дилер сжег 500 лет назад. И это не самая большая проблема: расклад Таро показал, что недолго Христофу осталось. В Городе творятся странные дела с ведьмами, грядет нечто страшное — буквально апокалипсис.

Действия романа Алэнс Рауз происходят в безымянном Городе, в котором легко угадывается Санкт-Петербург (даже если не заглядывать в аннотацию): герои говорят о разводе мостов и вечно возвращаются вокруг Проспента (имеется в виду, конечно, Невский). Город населен дилерами,

ведьмами (тут есть свой Новен) и экзорцистами, которые могут изгнать различных духов. Или общаться с ними, просить помощи — тут уж ного встретишь.

«Нотерия» — смесь жанров. Классическое городское фэнтези, своеобразный любовный роман и отчасти даже триллер стянуты в крепкий узел; элементы каждого жанра дополняют друг друга, убери что-то одно — и все разрушится. Текст пропитан шутками и остротами героев, но, как ни парадоксально, сам роман весьма трагичен. В этом ключе стоит выделить образ Христофа, центрального персонажа, — он не может полюбить по-настоящему, не может жить полноценно, потому что уже не человек. К тому же после смерти его ждет забвение. Пустота. «Нотерия» — история о потерях, о борьбе с неизбежным (стоит ли вообще сражаться?) и о бремени сотен лет: впрочем, роман Алекс Рауз затрагивает те же темы, что и любая книга о бессмертных (или долгожителях), — часть фантомов-проблем Христофа преследовали, допустим, и главную героиню романа Виктории Шваб «Незримая жизнь Адди Ларю», который очень созвучен с «Нотерией» темами и некоторыми приемами. Например, и там и там пласт «далекого прошлого» невероятно важен. «Нотерия» — такой пиджан с бархатной подкладкой из событий пятисотлетней давности. Без них роман смотрелся бы пресно, но флешбэки и воспоминания как раз придают книге необходимый вкус. И, кстати, иногда хочется увидеть их чуть в большем объеме.

Первые главы читать достаточно тяжело: автор прыгает с места в карьер, чтобы специально ввести в некий ступор. Роман начинается с конца: следствия и причины, как в детективе, здесь отзеркалены. Но после нескольких страниц бодро написанный текст затягивает, затягивает и уже не отпускает: во-первых, не возникает сложностей с пониманием мироустройства, во-вторых, Алекс Рауз подстегивает читателя,

подкладывая в колоду карт-глав «пустые карты», «главы без номера», повествующие о ком-то неназываемом, кто вечно думает об огне и хаосе. Человек ли это? Друг ли, враг ли? Эти нусочки автор не просто собирает к последним главам — выводит ветку таинственного персонажа на космогонический уровень. Апокалипсис-то не за горами.

«Однажды я был на приеме у психолога (опять-таки, а кто в этом веке не был?), и она определила мои депрессии как “страх бессмысленности собственного существования”. Я много смеялся на приеме, потом долго пил один. А психолог заключила со мной сделку, лишив себя пяти лет жизни и всех остальных пациентов. Теперь она прохлаждается на Мальдивах с новым любовником без серьезных психотравм. Когда до солнца всего сорок миль — все наши страхи такие искренние, и мы можем быть честными с собой. Возможно, мне осталось немного до этой стадии».

МЕЛАЛИНА НЕВИННАЯ, «АНДРЮХА, У НАС...» («ГОРОДСКИЕ СКАЗКИ» И «ДРИМ МЕНЕДЖМЕНТ»)

Жил был на свете Слава Городец... простите, трудно удержаться! «Андрюха, у нас...» — сборник эпизодов-рассказов литературного сериала, который выходил в популярном онлайн-проенте «Городские сказки». Это истории-злключения Славы, который стал смотрителем (не станционным!) Санкт-Петербурга. Теперь ему нужно следить за балансом фантастического и реального, ведь у Питера, как и у любого другого достаточно старого города, есть много слоев: реальный, мифологический, сновидческий... Помогает Славе Андрюха, который... скажем так, культурный код Питера. За подробностями призываем обратиться к тексту, иначе замигает красная лампочка «спойлер». Работы у Славы много, в Питере творится черт-те что! Мойры тут заделались модными программистками, домовые ведут официальный телеграм-канал, лиса ницунэ разгуливает по улицам в облине дамы и соблазняет мужчин, а в метро тролли могут открыть потаенные станции...

Если соединить «Ночной Дозор» (простите очередное упоминание, эту подборку захватило городское фэнтези), «Улицы разбитых фонарей» (название — оммаж к сериалу) и «Сказки старого Вильнюса» Манса Фрая, а потом переместить действие в Питер, получится как раз сборник «Андрюха, у нас...». Каждый рассказ здесь сам по себе — эскурс по мифам, легендам и культурным точкам Питера. Но Мелалина Невинная не останавливается на этом: после каждого же рассказа следуют пояснения, какие легенды, образы и локации были использованы в тексте и почему. И приятно, и полезно. Читать сборник — все равно что рассказывать байки друзьям и слушать их истории в ответ; так же легко, увлекательно и приятно. Рассказы спасают от меланхолии даже самой запущенной стадии позитивными персонажами, которые лишней раз не рефленсируют не по делу (сборник не об этом!), обилием мягких шуток и россыпью культурных отсылок, спрятанных, как монетки в пирожки с мясом, внутри текста: здесь соседствуют Моцарт и Трансформеры, Борхес и церемонии «Оскара»...

«Андрюха, у нас...» — концентрация уютного городского фэнтези, настоящий сладкий сироп, который понравится всем любителям жанра, но антилюбителям сложных сюжетных перипетий, перестрелок и коварных интриг внутри интриг. К тому же сборник — отличный повод познакомиться с жанром, съесть концентрированную пилюлю, чтобы распробовать все

границы смеси магического реализма и городского фэнтези. Тем более что «уютные» фэнтезийные поджанры (и детективные, и слову, тоже) входят в моду. Меньше нервозности у героев — больший градус наслаждения у читателя.

«На человеческом слое города Ротонда слывет местом, исполняющим желания. С некоторых пор желания стали сбываться почти мгновенно, только в доверок к ним, как многожонные труды партийных бонз к “Трем мушкетерам”, народ стал получать и воплотившиеся в реальность страхи. Ответственность за это взяла на себя группировка “Бесы Достоевского” (разумеется, состоящая из самых настоящих питерских бесов), а те, кто несет ответственность за закон и порядок, сообразили-таки отправить в Ротонду Славку — наблюдающего, которому по должности положено хранить равновесие сил на всех слоях города и вмешиваться, если оно нарушено. Славка, в свою очередь, позвал меня».

